

ГЛАВНЫЙ пафос советской литературы состоит в жизнеутверждении. Наша литература утверждает веру в будущее, в радостные перспективы нашей жизни, воспитывает эстетические вкусы советского человека, вырабатывает и укрепляет в наших людях чувство любви к советской Родине.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 109 (3765)

Вторник, 10 сентября 1957 г.

Цена 40 коп.

Жизнеутверждающая сила советской литературы

«Высшее общественное назначение литературы и искусства, — говорит товарищ Н. С. Хрущев, — поднимать народ на борьбу за новые успехи в строительстве коммунизма». Этой высокой и благородной цели достигают лишь те книги, которые с большой идейно-художественной силой отображают основные тенденции нашего времени, нашей эпохи. Писатель может выбирать любую тему, но он всегда должен быть актуален, созвучен со своим временем.

Правда, конечно, и то, что сама по себе актуальность темы не значит ничего, если мы не возведем ее в высокое художественное качество, если злободневную проблему не превратим в памятник большой художественной силы.

Хорошая книга всегда укрепляет веру в человека, развивала его идеалы. Они побуждают те, кто считает критический реализм только негативным методом. Борьба со злом, критические реалисты утверждали передовые идеи. Да, собственно, это относится не только к произведениям реалистов XIX века. Утверждению передового служили все великие книги во все времена.

Это можно проследить на примере лучших образцов грузинской классики. Поэма гениального Руставели «Витязь в тигровой шкуре» на протяжении восьми столетий укрепляла в грузинском народе благородные идеалы любви к родине, идеалы братства, дружбы и любви. А спустя много лет другой грузинский поэт Давид Гурамшвили служил тем же высоким идеалам, разоблачая отрицательные стороны в жизни своих соотечественников, глубоко переживая разлад внутри страны, вражду между племенами, осуждая все негодное и неужелое. Позднее Илья Чавчавадзе заявлял:

Освобождение честного труда — Вот в чем задача нынешнего века, Недаром бурь народных черед Встает во имя братства человека...

Таким образом, для классической литературы не было чуждым развитие и укрепление передовых человеческих идей. Однако она была в конфликте, в разладе с господствующей общественной системой. Отсюда и происходил конфликт между писателем и угнетателями — хозяевами государства.

Потому разница, и очень существенная, между советскими писателями и писателями дореволюционного периода, безусловно, есть. Литература никогда не была так тесно связана с интересами народа и государства, как в наше время. Это и понятно: советский народ является хозяином и правителем государства, интересы народа неотделимы от интересов государства.

Когда литература, служащая интересам народа, видела, как попрала права народа, она выступала против угнетателей. Когда эти права были завоеваны народом, писатели — выразители интересов народа — стали на службу социалистическому государству, и вот уже сорок лет, как они активно служат народу.

такую обобщающую силу, что он становился примером для закладки, формирования и духовного воспитания миллионов.

Так поступали наши, грузинские писатели в годы Великой Отечественной войны. С героем своего произведения капитаном Бухадзе встретился в эти суровые дни поэт Ир. Абашидзе. В лице этого героя поэт с большой силой воспел бессмертие человека, отдавшего свою жизнь Родине. На Таманском полуострове, увидев простую памогильную дощечку, вычитал поэт Георгия Леонидзе надпись, которая рассказывала о боевом эпизоде из жизни грузинского героя Левана. По этому эпизоду поэт воссоздал, оживил героический образ человека, погибшего в первом сражении (стихотворение «Не грусти, мать!», Симон Чиковаи в стихах, посвященных В. Канкава, передал боевой подвиг тбилиского студента. Все эти герои были живыми людьми, закатанными в бурях войны, в чьих подвигах ярко проявились лучшие качества советских людей.

Эти типичные образы, созданные нашей литературой. Из жизни они перешли на страницы художественных произведений, а затем опять вернулись к читателям, к тем же войнам, художественно преображенным.

И в мирные дни, в дни творческого труда писатели сумели разглядеть своих героев среди строителей нового общества. Такие люди стали источником вдохновения поэмы В. Маяковского «Хорошо!». В годы индустриализации и коллективизации родились герои, которые навсегда утвердились в литературе. Все эти герои взяты из самой гущи жизни. Они являются художественным отображением нашей действительности, но отображением не фотографическим, а обобщенным, переплавленным кистью мастера. И сила бессмертия им придана именно художественными средствами. Талант писателя сделал прототипы типами.

Основанная на традициях М. Горького и В. Маяковского, советская литература при художественном отображении явлений жизни всегда руководствуется ленинским принципом партийности. Писатель не может быть инертным, безразличным к тому, о чем он пишет. Писатель должен вызывать у людей чувство любви или чувство ненависти к тому, что он описывает.

Основная тема нашей жизнеутверждающей литературы — это величие и красота воспитанного партией советского человека, благородство и душевное богатство человека, свободного от пут Желтого Дьявола, от духа рабства, человека-созидателя, действительного хозяина жизни. Героям нашей литературы чужды идеи эксплуатации человека человеком, идеи господства одной нации над другой, чужды национальная вражда и распри. Создавая таких героев, наша литература вновь и вновь проясляет свою жизнеутверждающую силу, укрепляет во всем мире дружбу народов, их стремления к миру и свободе.

Мы еще в долгу перед народом. Мы еще многого не сделали. Но нет сомнений, что советская национальная литература накануне новых успехов. Поручить тому помощь и забота Коммунистической партии, которые только что так наглядно выразились в высказываниях о литературе товарища Н. С. Хрущева.

Искусство социалистического реализма питается жизнью народа, оно освещено идеями и поэзией нашей жизни. Единение и слитность

ст. То, что заслуживает одобрения и признания, должно быть выражено пламенно и искренно, то, что является ненавистным, мешающим, должно быть разоблачено и осуждено. Скажут, что такой подход к явлениям был и у классиков. Но ведь у наших писателей он стал иным, неизмеримо более богатым и глубоким, ибо он теперь определен четким марксистско-ленинским мировоззрением, ясными задачами и целями. Когда читаешь «Разгром» А. Фадеева, сразу чувствуешь, что нравится писателю и что не нравится. Позиция писателя ярко выражена. Читатель знает, что предмет одобрения является не вообще положительный тип, а боевой человек, носитель коммунистического духа. Это можно сказать и о «Молодой гвардии». Этот пример, как и многие другие, еще и еще раз доказывает, что с принятием партийности несомненно художественное обобщение произведения. Мало того, что писатель должен стоять на верных идейных позициях, он должен иметь правильные эстетические взгляды и вкусы. Вне высокого мастерства, вне высокого профессионализма мы не сумеем защитить и наших идейных позиций.

Советская литература берет своих героев из рядов советских людей, создателей всех ценностей и благ, на которых зиждется могущество нашей Родины. Ни одна другая литература так широко не обращалась к простым людям, делая их героями художественных произведений, как наша советская литература. Такая традиция берет свое начало от М. Горького, и это не случайный факт. Только наше время поставило людей-тружеников в центре жизни, вывело в дух созидания понимание своей исторической миссии, дало им права участника и строителя социализма.

Литература прошлой эпохи рисовала «простых» людей в духе сожаления. Это чувство «жаалости» нам чуждо. Задача советской литературы — отображение рядового человека, как человека самостоятельного, чувствующего величие своих прав. Мелкобуржуазный гуманизм для нашей литературы не характерен.

Мы еще в долгу перед народом. Мы еще многого не сделали. Но нет сомнений, что советская национальная литература накануне новых успехов. Поручить тому помощь и забота Коммунистической партии, которые только что так наглядно выразились в высказываниях о литературе товарища Н. С. Хрущева.

Мы еще в долгу перед народом. Мы еще многого не сделали. Но нет сомнений, что советская национальная литература накануне новых успехов. Поручить тому помощь и забота Коммунистической партии, которые только что так наглядно выразились в высказываниях о литературе товарища Н. С. Хрущева.

Мы еще в долгу перед народом. Мы еще многого не сделали. Но нет сомнений, что советская национальная литература накануне новых успехов. Поручить тому помощь и забота Коммунистической партии, которые только что так наглядно выразились в высказываниях о литературе товарища Н. С. Хрущева.

Мы еще в долгу перед народом. Мы еще многого не сделали. Но нет сомнений, что советская национальная литература накануне новых успехов. Поручить тому помощь и забота Коммунистической партии, которые только что так наглядно выразились в высказываниях о литературе товарища Н. С. Хрущева.

Мы еще в долгу перед народом. Мы еще многого не сделали. Но нет сомнений, что советская национальная литература накануне новых успехов. Поручить тому помощь и забота Коммунистической партии, которые только что так наглядно выразились в высказываниях о литературе товарища Н. С. Хрущева.

8 сентября успешно завершён первый перелет советского пассажирского реактивного воздушного корабля «ТУ-104-А» по маршруту Москва—Нью-Йорк—Москва.

Экипаж самолета отлично справился со своей задачей. Сегодня мы печатаем записки участника этого рейса Героя Советского Союза П. Михайлова, работающего сейчас над книгой «Два миллиона километров в воздухе».

Восемнадцать тысяч километров реактивный лайнер прошел за 24 часа 36 минут. Экипаж самолета отлично справился со своей задачей. Сегодня мы печатаем записки участника этого рейса Героя Советского Союза П. Михайлова, работающего сейчас над книгой «Два миллиона километров в воздухе».

Восемнадцать тысяч километров реактивный лайнер прошел за 24 часа 36 минут. Экипаж самолета отлично справился со своей задачей. Сегодня мы печатаем записки участника этого рейса Героя Советского Союза П. Михайлова, работающего сейчас над книгой «Два миллиона километров в воздухе».

Восемнадцать тысяч километров реактивный лайнер прошел за 24 часа 36 минут. Экипаж самолета отлично справился со своей задачей. Сегодня мы печатаем записки участника этого рейса Героя Советского Союза П. Михайлова, работающего сейчас над книгой «Два миллиона километров в воздухе».

Восемнадцать тысяч километров реактивный лайнер прошел за 24 часа 36 минут. Экипаж самолета отлично справился со своей задачей. Сегодня мы печатаем записки участника этого рейса Героя Советского Союза П. Михайлова, работающего сейчас над книгой «Два миллиона километров в воздухе».

Восемнадцать тысяч километров реактивный лайнер прошел за 24 часа 36 минут. Экипаж самолета отлично справился со своей задачей. Сегодня мы печатаем записки участника этого рейса Героя Советского Союза П. Михайлова, работающего сейчас над книгой «Два миллиона километров в воздухе».

Восемнадцать тысяч километров реактивный лайнер прошел за 24 часа 36 минут. Экипаж самолета отлично справился со своей задачей. Сегодня мы печатаем записки участника этого рейса Героя Советского Союза П. Михайлова, работающего сейчас над книгой «Два миллиона километров в воздухе».

Восемнадцать тысяч километров реактивный лайнер прошел за 24 часа 36 минут. Экипаж самолета отлично справился со своей задачей. Сегодня мы печатаем записки участника этого рейса Героя Советского Союза П. Михайлова, работающего сейчас над книгой «Два миллиона километров в воздухе».

Восемнадцать тысяч километров реактивный лайнер прошел за 24 часа 36 минут. Экипаж самолета отлично справился со своей задачей. Сегодня мы печатаем записки участника этого рейса Героя Советского Союза П. Михайлова, работающего сейчас над книгой «Два миллиона километров в воздухе».

Восемнадцать тысяч километров реактивный лайнер прошел за 24 часа 36 минут. Экипаж самолета отлично справился со своей задачей. Сегодня мы печатаем записки участника этого рейса Героя Советского Союза П. Михайлова, работающего сейчас над книгой «Два миллиона километров в воздухе».

Восемнадцать тысяч километров реактивный лайнер прошел за 24 часа 36 минут. Экипаж самолета отлично справился со своей задачей. Сегодня мы печатаем записки участника этого рейса Героя Советского Союза П. Михайлова, работающего сейчас над книгой «Два миллиона километров в воздухе».

Восемнадцать тысяч километров реактивный лайнер прошел за 24 часа 36 минут. Экипаж самолета отлично справился со своей задачей. Сегодня мы печатаем записки участника этого рейса Героя Советского Союза П. Михайлова, работающего сейчас над книгой «Два миллиона километров в воздухе».

Восемнадцать тысяч километров реактивный лайнер прошел за 24 часа 36 минут. Экипаж самолета отлично справился со своей задачей. Сегодня мы печатаем записки участника этого рейса Героя Советского Союза П. Михайлова, работающего сейчас над книгой «Два миллиона километров в воздухе».

Москва, 8 сентября, 9 час. 10 мин. утра. Самолет «ТУ-104-А», вернувшийся из Америки, приземлился на Внуковском аэродроме. На снимке (слева направо): командир корабля Б. Бугаев, начальник Управления транспортной авиации Гражданского воздушного флота А. Семеников, командир корабля И. Орловцев, заместитель начальника летного отдела Управления транспортной авиации Герой Советского Союза П. Михайлов, инженер С. Колоколов и бортмеханик И. Крупа.

МОСКВА—НЬЮ-ЙОРК—МОСКВА

МОСКВА, Внуково, 4 сентября. Иван Власов 45 минут утра отравляет наш самолет от земли. Правым разворотом ложимся курсом на запад. Через семь минут полета подходим к нижней кромке облаков. Продолжаем набор высоты, над нами — чистое, синее небо. Летим на заданной высоте — 10 000 метров над родной землей Смоленщиной.

Я прилежал лицом к иллюминатору. В разрывы между облаками мелькают знакомые места: Вязьма, Холм-Жирновский, Белый. Тридцать лет тому назад, десантным мальчишкой, на выгонах деревни Гришково я пас скот, как раз где-то здесь.

Английские воздушные лодки заметно оживились. В Москве, когда в течение почти двух часов нас не принимал Лондон из-за плохой погоды, у англичан было довольно унылый вид, — будто им было неловко за негостеприимство своей столицы.

В самолете спокойная жизнь: пассажиры читают газеты, журналы. Вскоре разнесут завтрак. Как только пересекли советскую границу, английские летчики забываются в пилотскую кабину. Локхид Дэйл — ребята как на подбор, рослые, физические развитые. Немного отстал от них Шеллинг, он не так высок ростом, под его рыжеватыми усиками постоянно играет веселая улыбка. Он неплохо говорит по-русски и сразу же требует, чтобы мы называли его почему-то Василием Васильевичем. Шеллинг вторично ведет самолет «ТУ-104-А» по маршруту Москва—Лондон.

Два часа тринадцать минут полета. Проходим над Берлином. Отчетливо просматривается аэродром Темпельхоф. Установив связь с Лондоном, узнаем, что погода улучшается, но пока что над английской столицей держится туман.

Пересекаем голландскую границу. Несмотря на встречный ветер, наша путевая скорость — 750 километров в час. С высоты в десять километров отчетливо просматривается типичный голландский ландшафт: мелкие участки, напоминающие шахматную доску, каждая клетка которой обсажена кустарником.

Приближаемся к морю. Горизонт постепенно облекается туманом. Над Ла-Маншем все затуманено туманом. Появляются два английских реактивных истребителя. Некоторое время они провозжат нас, потом исчезают.

Английская территория. Из Лондона сообщают об улучшении погоды. Настроение у всех приподнятое. Бугаев веселится восторженно: надев фуражку одного из английских летчиков, он берет под козырек и говорит мне: — Лондон, Лондон, разрешите посадку? Я отвечаю ему в тон: — Фидти фор сэрти эйт, 5438! Ю май лэнд, посадку разрешаю!

В одиннадцать часов начинаем снижаться. Погружаемся в туманное месиво, сначала оно светлеет, потом начинает темнеть. На высоте в 1 000 метров видимость становится отчетливой. Под крылом мелькают зеленые и рыжие полосы полей и лугов, темно-зеленые пятна леса, селения.

При заходе на посадку обзереваем гигантскую панораму английской столицы, переосвещенную военной лентой Темзы с нависшими над ней мостами.

П. МИХАЙЛОВ, Герой Советского Союза

Несмотря на встречный ветер, наша путевая скорость — 750 километров в час. С высоты в десять километров отчетливо просматривается типичный голландский ландшафт: мелкие участки, напоминающие шахматную доску, каждая клетка которой обсажена кустарником.

Приближаемся к морю. Горизонт постепенно облекается туманом. Над Ла-Маншем все затуманено туманом. Появляются два английских реактивных истребителя. Некоторое время они провозжат нас, потом исчезают.

Английская территория. Из Лондона сообщают об улучшении погоды. Настроение у всех приподнятое. Бугаев веселится восторженно: надев фуражку одного из английских летчиков, он берет под козырек и говорит мне: — Лондон, Лондон, разрешите посадку? Я отвечаю ему в тон: — Фидти фор сэрти эйт, 5438! Ю май лэнд, посадку разрешаю!

В одиннадцать часов начинаем снижаться. Погружаемся в туманное месиво, сначала оно светлеет, потом начинает темнеть. На высоте в 1 000 метров видимость становится отчетливой. Под крылом мелькают зеленые и рыжие полосы полей и лугов, темно-зеленые пятна леса, селения.

При заходе на посадку обзереваем гигантскую панораму английской столицы, переосвещенную военной лентой Темзы с нависшими над ней мостами.

11 часов 34 минуты по московскому времени. Наш самолет катится по бетонной дорожке центрального аэродрома. Первый этап пути занял три часа сорок девять минут, включая взлет, набор высоты и заход на посадку.

ЛОНДОН, 4 сентября. Моросит мелкий дождь. Самолет поставили очень далеко от аэровокзала. Встречают нас только официальные лица и представители советской колонии. Впрочем, прощались и три корреспондента: из Би-Би-Си, «Таймса» и телевидения. Наблюдая любопытную картину: под аэродромом проходил туман, из которого то и дело высказывались служебные машины и автобусы с пассажирами. Все это происходило в непосредственной близости от нашего самолета. Как выяснилось впоследствии,

Тринадцать часов пятьдесят минут. Рулим на старт. Никто из посторонних нас не провожает, только рабочие аэродромных служб приветливо машут платками и кепками. На площадке командно-диспетчерского пункта аэровокзала столпились служащие — сикотники, диспетчеры, пилоты, инженеры.

В 13 часов 55 минут дан старт. Произойдет смена экипажа — самолет теперь пилотирует Борис Павлович Бугаев.

Тринадцать часов пятьдесят минут. Рулим на старт. Никто из посторонних нас не провожает, только рабочие аэродромных служб приветливо машут платками и кепками. На площадке командно-диспетчерского пункта аэровокзала столпились служащие — сикотники, диспетчеры, пилоты, инженеры.

В 13 часов 55 минут дан старт. Произойдет смена экипажа — самолет теперь пилотирует Борис Павлович Бугаев.

АТЛАНТИКА, 4 сентября. Британские острова остаются привлекательными. Высота полета — 10 500 метров. Держим курс на аэродром Кефлавик в Исландии. Море не видно.

Завязывается дружеская беседа. Локхид рассказывает нам, что летает он уже семнадцать лет. В годы второй мировой войны служил на тяжелых воздушных военных кораблях, воевал над Африкой, Германией, Японией. Полет на «ТУ-104-А» произвел на него большое впечатление.

— Большая мощьность, внушительный вид, идеально строгие и красивые формы, быстро набирает высоту, прост в управлении, — говорит нам Локхид на ломаном русском языке.

Мы не остаемся в долгу и в свою очередь расхваливаем лондонский аэродром, его техническое оснащение. Все, что мы успели там увидеть за краткое пребывание в Лондоне, — выше всяких похвал.

В разрывах между облаками мелькает темно-синеватая поверхность океана, по которой гуляют седые гребни волн.

Бортрадист Метелин непрерывно держит связь с Исландией и с Москвой.

Замечаю какой-то большой корабль под нами — в океане. Как это ни странно, он не движется, а стоит на месте. Англичане объясняют: это — плавающая база радиосредств навигации. Действительно, после полета над Атлантикой.

В этих автобусах сидели любопытные лондонцы. Это была единственная для них возможность хоть на расстоянии посмотреть нашу машину.

Снова задержка: продолжительность стоянки в Лондоне предполагалась в полчаса, а произошло здесь два часа с четвертью.

Снова задержка: продолжительность стоянки в Лондоне предполагалась в полчаса, а произошло здесь два часа с четвертью.

Снова задержка: продолжительность стоянки в Лондоне предполагалась в полчаса, а произошло здесь два часа с четвертью.

Снова задержка: продолжительность стоянки в Лондоне предполагалась в полчаса, а произошло здесь два часа с четвертью.

Снова задержка: продолжительность стоянки в Лондоне предполагалась в полчаса, а произошло здесь два часа с четвертью.

Снова задержка: продолжительность стоянки в Лондоне предполагалась в полчаса, а произошло здесь два часа с четвертью.

Снова задержка: продолжительность стоянки в Лондоне предполагалась в полчаса, а произошло здесь два часа с четвертью.

Снова задержка: продолжительность стоянки в Лондоне предполагалась в полчаса, а произошло здесь два часа с четвертью.

Снова задержка: продолжительность стоянки в Лондоне предполагалась в полчаса, а произошло здесь два часа с четвертью.

Снова задержка: продолжительность стоянки в Лондоне предполагалась в полчаса, а произошло здесь два часа с четвертью.

1 Любая талантливая пьеса исследует внутренний мир человека, его мысли, движения его души, проповедует идею, которая вытекает из драматического конфликта как авторский вывод, как отношение драматурга к изображаемому объектам — характерам. К драматургии больше всего относятся слова А. М. Горького, который говорил о драматургии как о человекознании.

Следствие типического характера современника в наших пьесах — это, пожалуй, самый острый вопрос, который теперь стоит перед нашей драматургией. Никого теперь не удовлетворяет ходульность и схематизм, голая диалектика, которыми подменялись в бесконфликтных пьесах правдивость и глубина изображения современных явлений. Порой в угоду «актуальности» темы авторы спешили писать малохудожественные диалогические сочинения, в которых не было и намека на философское обобщение человеческих характеров, не было главного — поэзия и мысль, того, что всегда отличает настоящее искусство от ремесленного драматургического.

Мы до обидного забываем о том, что завоевано нашей драматургией поэзией за сорок лет, о ее непреходящем художественном опыте, о ее традициях. А между тем в революционных традициях нашей драматургии выражаются главные ее достижения. Ни одна драматургия мира с такой силой и убедительностью не воплотила характер революционного народа, как наша. Если говорить о художественной слитности партийности и народности как отличительном качестве нашей литературы, то в драматургии мы найдем ее прекрасные образцы. Драматургия старшего поколения были разведчиками совершенно нового искусства, которого еще не знала история. Это искусство в поэтической форме драмы показывало эпоху в бурных противоречиях и конфликтах, оно проникнуло большинством пафосом и большой человечностью. Новый герой жизни потребовал новых форм драмы. По масштабам изображения и по манере письма разные драматурги, скажем, Б. Лавренев в «Разломе» и Н. Погодин в «Кремлевских курантах», К. Тренев в «Любо-

Образование Союза художников РСФСР

3 СЕНТЯБРЯ с. г. состоялось заседание секретариата правления Союза художников СССР, обсудившее вопрос о создании Союза художников Российской Федерации.

Секретариат правления Союза художников РСФСР признал необходимым образовать Союз художников РСФСР, задачей которого является объединение художников Российской Федерации.

Для проведения подготовительной работы по объединению художников РСФСР в творческий союз образован Оргкомитет Союза художников РСФСР в составе 56 человек. Председатель Оргкомитета В. Серов, заместители председателя А. Грицай, М. Сокольников, Н. Томский.

Первый съезд Союза художников Российской Федерации намечено провести в 1958 году. Секретариат правления Союза художников СССР принял решение назвать первый пленум Оргкомитета Союза художников РСФСР в конце сентября 1957 года.

С. ЧИЛАЯ

ТЕНДИСИ

С. ЧИЛАЯ

США, 5 сентября, 5 час. 43 мин. утра. Встреча на военном аэродроме МакГайр. Корреспонденты американских газет интервьюируют Б. Бугаева.

БОЛЬШАЯ ТЕМА ДРАМАТУРГИИ

В. ФРОЛОВ

Да, юбилейный сороковой год обещает оживление в драматургии. Об этом можно говорить хотя бы потому, что уже напечатан ряд интересных пьес. Впервые, например, вышел недавно первый номер альманаха «Современная драматургия» («Искусство», 1957) — серьезное издание, где опубликовано шесть пьес разных авторов.

Альманах «Современная драматургия» отражает в какой-то мере общее состояние драматургии наших дней: в нем видны ее сильные стороны и слабости. Хорошо, что в сборнике пьесы советских драматургов Дм. Зорина «Вечный источник», М. Соболя «Товарищи романтики», комедия грузинского драматурга Гр. Бердзенишвили «Трогник на ветру» поставлены в один ряд с пьесой румынских драматургов В. Стоенку и О. Сава «Ноль поведению», с драмой Э. М. Ремарка «Последняя остановка», о которой следует говорить в отдельной статье. В таком подборе произведений есть глубокий смысл: пьесы советских драматургов выходят на мировую арену, они участвуют в разрешении сложных процессов, вступающих в драматических поворотах разных народов.

В последнее время драматургам пришлось выслушивать немало горьких упреков от зрителей и критики. Театры задышали от отсутствия хороших пьес о современной жизни. Длительный спор между драматургами и театрами о том, кто же виноват в загнившем отставании нашей драматургии? — театры или сами драматурги? — не закончился в пользу ни одной из спорящих сторон. Пока еще не время говорить о расчете драматургии, также не наступила и пора разглаживать театры за то, что они открывают новые имена талантливых авторов. Но уже кое-какие тенденции в драматургической литературе вселяют надежду на то, что в скором времени свежие силы скажут свое веское слово. Я не разделяю чрезмерного оптимизма некоторых товарищей из Союза писателей, тех, что с бухгалтерским подсчетом подходят к драматургии: называют десятки пьес, которые предложены или будут предложены театрам только московскими драматургами! Дело теперь не в количестве, а в качестве, в том, чтобы появились по-настоящему художественные драмы, комедии и трагедии, прокладывающие новые пути драматургической поэзии.

Интересов художника с интересами и практической борьбой партии и народа, строящего коммунизм, создают самую благоприятную почву для писателя, для создания им подлинно народных и монументальных характеров современников. В лучших наших пьесах воплощена народная жизнь в ее малых и больших потоках, в борьбе и работе. Народ в талантливых пьесах предстает в могучих характерах. В таких пьесах нет ни фальши, ни смакования уродливого в жизни. Мысль и поэзия идут в них рука об руку, воплощаясь в характеры.

В последние годы драматургам пришлось выслушивать немало горьких упреков от зрителей и критики. Театры задышали от отсутствия хороших пьес о современной жизни. Длительный спор между драматургами и театрами о том, кто же виноват в загнившем отставании нашей драматургии? — театры или сами драматурги? — не закончился в пользу ни одной из спорящих сторон. Пока еще не время говорить о расчете драматургии, также не наступила и пора разглаживать театры за то, что они открывают новые имена талантливых авторов. Но уже кое-какие тенденции в драматургической литературе вселяют надежду на то, что в скором времени свежие силы скажут свое веское слово. Я не разделяю чрезмерного оптимизма некоторых товарищей из Союза писателей, тех, что с бухгалтерским подсчетом подходят к драматургии: называют десятки пьес, которые предложены или будут предложены театрам только московскими драматургами! Дело теперь не в количестве, а в качестве, в том, чтобы появились по-настоящему художественные драмы, комедии и трагедии, прокладывающие новые пути драматургической поэзии.

Интересов художника с интересами и практической борьбой партии и народа, строящего коммунизм, создают самую благоприятную почву для писателя, для создания им подлинно народных и монументальных характеров современников. В лучших наших пьесах воплощена народная жизнь в ее малых и больших потоках, в борьбе и работе. Народ в талантливых пьесах предстает в могучих характерах. В таких пьесах нет ни фальши, ни смакования уродливого в жизни. Мысль и поэзия идут в них рука об руку, воплощаясь в характеры.

Да, юбилейный сороковой год обещает оживление в драматургии. Об этом можно говорить хотя бы потому, что уже напечатан ряд интересных пьес. Впервые, например, вышел недавно первый номер альманаха «Современная драматургия» («Искусство», 1957) — серьезное издание, где опубликовано шесть пьес разных авторов.

Альманах «Современная драматургия» отражает в какой-то мере общее состояние драматургии наших дней: в нем видны ее сильные стороны и слабости. Хорошо, что в сборнике пьесы советских драматургов Дм. Зорина «Вечный источник», М. Соболя «Товарищи романтики», комедия грузинского драматурга Гр. Бердзенишвили «Трогник на ветру» поставлены в один ряд с пьесой румынских драматургов В. Стоенку и О. Сава «Ноль поведению», с драмой Э. М. Ремарка «Последняя остановка», о которой следует говорить в отдельной статье. В таком подборе произведений есть глубокий смысл: пьесы советских драматургов выходят на мировую арену, они участвуют в разрешении сложных процессов, вступающих в драматических поворотах разных народов.

Бьется в противоречиях могучий Мартын Крутой, прозвищу «Достань вострубаша», с позорной клычкой «Мать вострубаша» живет его жена Василиса. Женщины гордая, красивая душой, не сломившаяся под тяжестью несправедливого наговора. Ловко и хитро обманывает крестьян, заигрывает и обирает их Петр Плякун. Ищет выхода к свету одинокий Гарасч. Подлаживается под мужика демагог и перестраховщик Коломол...

Каждый персонаж в этой драме — оригинальный характер, самобытный по языку, воззрению, поступкам. Вместе с тем вся система образов, объединенных идейным замыслом автора, создает широкую по масштабам картину эпохи 1921—1923 годов. Особо хочется сказать об образе Владимира Ильича Ленина, который показан в пьесе по-человечески простым и мудрым вождем; в самой гуще народа Владимир Ильич находит великий источник могущества и силы Советского государства. Он близко к сердцу принимает и трагедию Василисы, оклеветанной врагами коммуны, и мучительные колебания Гарасчи, и ошибки коммуниста Крутойра; Ильич пылито разглагольствует вредоносную проповедь «пророка» Плякуна, разоблачая его на склоне; ему ненавистна подхалимская и, по существу, зсервская полнота губпродкомиссара Коломола.

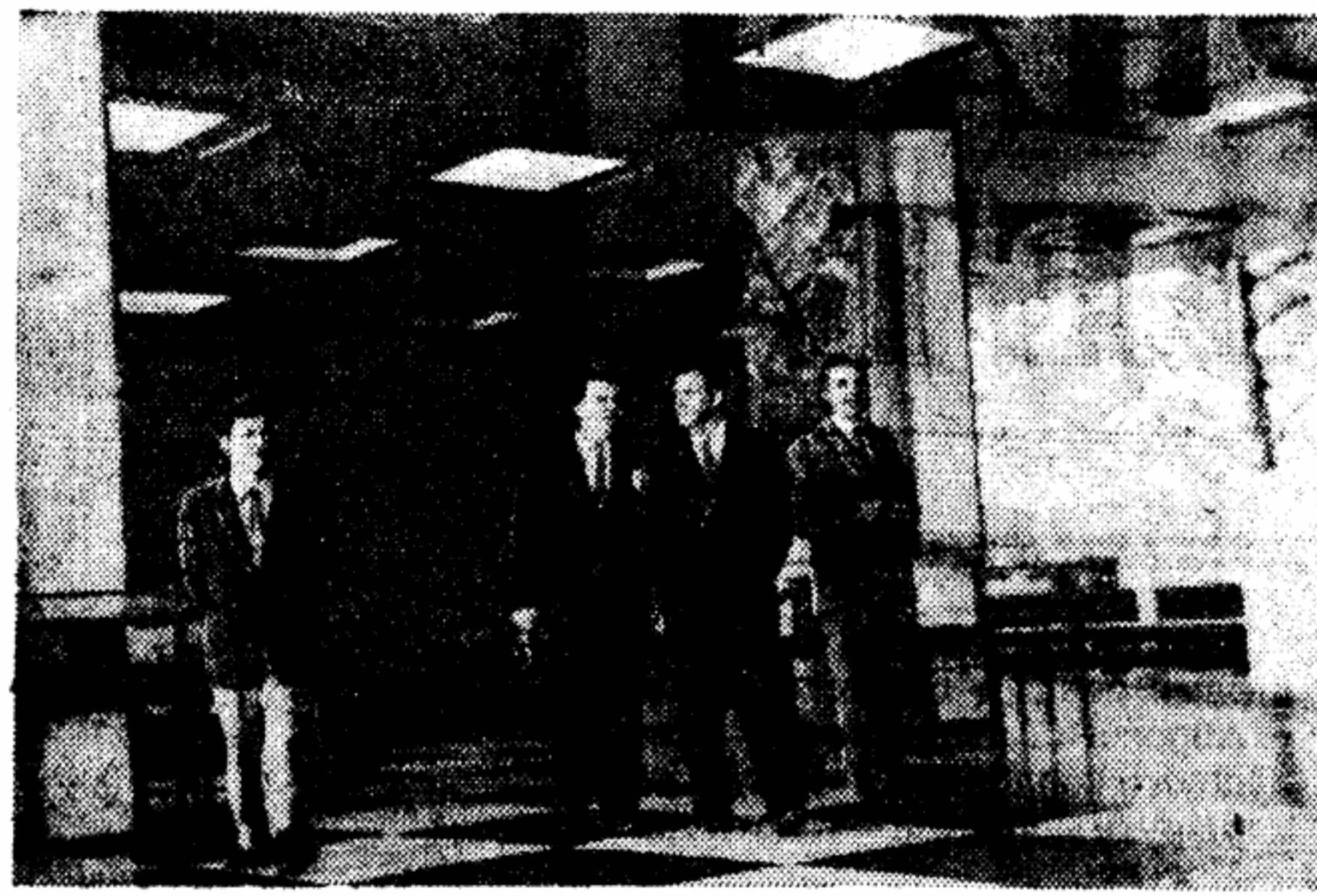
Без диалектики и лакировки драматург показывает человеческие судьбы, ставшие судьбой иродной. Радует в пьесе богатое звучание русского слова, емкого, образного и такого «прозрачного», что за каждой репликой видишь человека, угадываешь смысл его внутренних побуждений.

О

МОСКВА — НЬЮ-ЙОРК — МОСКВА

Канада, 5 сентября. Командир корабля Б. Бугаев (слева) беседует перед вылетом из Гус-Бей с американскими лидерами, находящимися на борту «ТУ-104-А» — штурманом Дабсоном, пилотом Ренежером и бортрадистом Робинзоном (крайний справа).

Нью-Йорк, 6 сентября. На снимке: сотрудник Совета Безопасности А. Кучумов (второй слева) сопровождает участников полета И. Орлова, Б. Бугаева и А. Семенова, идущих на заседание Совета Безопасности.

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

этой точкой наш штурман Акимов дает командиру корабля небольшую поправку на курс.

Приближаемся к Исландии. Самолет идет на снижение. Береговая полоса — низменная, дальше идут холмы и сопки, постепенно переходящие в горы. Посадка на аэродром Кефлавики представляет значительные трудности: нам неизвестны подходы, земля ориентирует лидировщика, в данном случае «Василия Васильевича», а тот, в свою очередь, информирует Бугаева. Таким образом, командир корабля узнает условия захода на посадку из вторых рук. Впрочем, предварительные расчеты этих условий были разработаны еще во время подготовки к полету.

В 16 часов 35 минут по московскому времени мы — в Кефлавику. Как я ни был озабочен в эти минуты, все же успел при заходе на посадку рассмотреть фонتان действующего гейзера. Белый султан отчетливо выделялся на фоне пепельно-серой, будто выжженной поверхности земли.

Расстояние в 1960 километров мы преодолели за 2 часа 35 минут.

Исландия, 4 сентября. Первыми, кто нас встретил, были ведущие фоторепортеры. Они лежали вдоль взлетно-посадочной площадки, нацелив на нас объективы своих аппаратов. Вначале их можно было принять за цепь автоматчиков, обстреливающих самолет на пробеге.

Небо облачное, дует пронзительный арктический ветер. Мы приземлились на территории американской военной авиабазы. Среди встречающих — много офицеров. Сердечно приветствуют нас представители советской колонии. У аэродрома собирается толпа, которую полиция с трудом удается сдерживать. К нам подлетел владелец маленького спортивного самолета типа «Сасна». Очевидно, он специально прилетел из Рейкьявика, чтобы приветить нас.

Очень хотелось бы и нам побывать в Рейкьявике, но нельзя задерживаться в Исландии. Правда, мы предполагали пробить здесь всего часа полтора, но проехали четыре. Дело в том, что следующий пункт нашей остановки — Гус-Бей на полуострове Лабралор в Канаде — сообщается с неблагоприятной погодой, либо вообще ничего не сообщает, так как связь работает с перебоями. Впервые после вылета потеряли связь с Москвой.

Ситуация осложняется: связи с Канадой по-прежнему нет. Старший по полету Алексей Иванович Семенов собирает пилотов на совещание. Местная синоптическая служба дает прогноз на улучшение погоды, ожидается отсидывающийся северный ветер. Мнение единодушное: вылетать немедленно, ориентироваться на восстановление связи уже в воздухе.

На борту, кроме англичан, — двое молодых ребят. Это наядские воздушные штурманы Эвардс и Стюарт. В 20 часов 50 минут мы поднялись в воздух. У штурвала снова Орловцев.

Над океаном, 4 сентября. СЛЕВА по борту, недалеко от берега, над водой возвышается каменная глыба, омытая волнами до причудливой квадратной формы.

Нам на сухоплутном самолете предстоит преодолеть над водным пространством расстояние почти в две с половиной тысячи километров. Через сорок пять минут полета замечаем, как неподвижно стоит, перпендикулярно в нашему курсу, большой корабль — второй радионавигационный маяк на нашем пути. По этому маяку ложимся на новый курс. Связь

по-прежнему нет ни с Москвой, ни с Гус-Беем. Еще в Москве нас предупреждали, что, ввиду появления новых пятен на солнце, возможны магнитные возмущения в эфире. По-видимому, так и получилось.

22 часа по московскому времени. В Москве давно уже темно, а мы летим под северным бледно-голубым небом, в ярких лучах заходящего солнца. Высота полета — 11 тысяч метров. Море то появляется под нами, то снова исчезает за облачной пеленой.

Но вот облачность рассеялась, и под крылом открывается незабываемая картина: по морю плывут айберги, сверкая на солнце светлого-бирюзовыми вершинами.

Идем вдоль безжизненных берегов Гренландии. Под крылом самолета проливаются остроколючие вершины острова. Горы, горы... Все мертво вокруг, только поблескивают на солнце ледники. Конечно, все это очень красиво, но вот если почему-либо нам здесь придется садиться, тогда как?

Отходим от Гренландии на юго-запад. Вдох облегчения: канадский лидировщик удается установить связь с Гус-Беем на ультракоротких волнах. Наш расчет был правильным — прогноз погоды благоприятный. Гус-Бей принимает нас.

Ровно полночь. В Москве бьют куранты Спасской башни, а мы при дневном свете приближаемся к берегам Канады. Под нами снова все затянуто тяжелыми темно-синевыми облаками. Снижаемся, ныряем в облака и погружаемся в непроглядную мглу.

Предстоит сложная посадка, более неприятная, чем в Исландии: аэродром в Гус-Бее со всех сторон окружен возвышенностями, от трехсот метров до тысячи метров.

Наконец в тумане и облаках просматривается шетка хвойного леса. Садиться нужно с первого захода, так как повторный заход значительно усложнил бы пилотирование на малых высотах при трудных подходах. То и дело меняя курсы и высоту, мы выходим из облаков, и перед глазами пилота показывается широкая бетонированная лента...

Командование авиабазой позаботилось об утине и ночлеге для нас, полагают, что тяжелый транспортный реактивный самолет ночью не летает.

Вечером, вдоль аэродрома выстроились стандартные дома багатого типа, окрашенные в вагонный цвет. На площадке у командного пункта собралась на селение база — офицеры, женщины и дети.

Наш отказ от полета и настойчивое желание лететь дальше для руководства аэродрома были полной неожиданностью. Однако приняты меры, чтобы немедленно отправить нас в дальнейший путь. Как и предполагалось, планом, мы задержались здесь всего на полчаса.

В два часа по московскому времени пронеслись, как искры, под крылом огни ночного старта. Пробежав половину дорожки, самолет покинул землю Канады. С правым разворотом ушли в ночь...

В СТРАТОСФЕРЕ, 5 сентября. Самолет пилотирует Бугаев. На борту — американские лидировщики: пилот капитан Ренежер, бортрадист Робинзон, штурман Дабсон, говорящий по-русски. В военной форме только Ренежер, остальные — в штатском.

Через пять минут пробилась сквозь облака. Наш курс — на юго-запад. Вагровый отблеск заката озаряет все причудливым светом — лилово-красным, оранжевым и темно-фиолетовым. Синюгами предсказаны грозы в пути. Стемнело. Руководство московским временем, пассажиры дремлют. По курсу слева, на фоне темного неба заиграли огни северного сияния.

Вот и гроза. Мощные кучевые облака поднимаются все выше и выше, поднимая нас. Постепенно приходится забираться на высоту в 13 300 метров. Мы — в стратосфере. Под нами сплошное море огней, — так сильны разряды молний.

А еще выше вы можете? — спрашивает капитан Ренежер Бугаева.

— Выше? Конечно, можем. Пожалуйста!

— Нет, нет, не надо! — поспешно сдерживает американец Бугаева, который с полной готовностью положил руки на рычаги секторов газа.

Не успели миновать один грозовой фронт, как перед нами поточас возник другой. Внизу — крошечный ад разбушевавшейся стихии, а над нами мерцают бледные звезды да холодно светит луна.

Облака постепенно снижаются, но земли по-прежнему не видно. Экипаж уточняет местонахождение самолета. Скоро Нью-Йорк.

Вот под крылом рассыпались огни Бостона. Через непродолжительное время впереди возник огромный, светящийся ковер Нью-Йорка. Наша высота — 10 тысяч метров. Начинаем снижение. Посадка — на аэродроме Мактайр, в 110 километрах от Нью-Йорка.

На высоте малого круга командно-диспетчерский пункт ставит маневрировать, не давая разрешения на посадку. Бугаев сердится. Пошел дождь. Американский пилот объясняет, что задержка вызвана необходимостью принять до нас самолет, у которого отказал мотор.

Как и в других местах, прибытие нашего самолета, несмотря на ночное время и дождь, вызвало огромный интерес: около двухсот корреспондентов, прорвав оцепление, окружило нас. Я выхожу последним. Не могу спуститься по трапу, ослепленный лучи направленных на наш самолет пяти прожекторов и вспышки «блинда». Тогда я принимаю неожиданное решение: вскинув свой фотоаппарат, нацелив его на частоты микрофонов, окружающих наш экипаж, в свою очередь даю ответные вспышки «блинда». Кратковременное замешательство среди представителей печати дает мне возможность сойти на землю.

МАКТАЙР, 7 сентября. Расстояние, отделяющее нас от Москвы, — девять тысяч километров — мы пролетели за 13 часов 29 минут летного времени.

Весь день 6 сентября посетили остров Нью-Йорка. Побывали в качестве гостей и на заседании Совета Безопасности. С интересом прослушали выступление представителя СССР А. Соболева. Все то, что я читал о заседаниях ООН в газетах, сейчас представало передо мною наяву.

Нью-Йорк... Небоскребы, подавляющие город, улицы, забытые автомашинами, отсутствие какой бы то ни было зелени, шум, суета. Весь город представлялся мне скоплением механизмов, в котором теряется живой человек.

7 сентября в 13 часов 30 минут по московскому времени дан старт в обратный путь.

НАД ОКЕАНОМ, 7 сентября. Корабль, велел Орловцев. На борту — два взрослых пассажира и двое ребят. Через час покидаем берега Соединенных

Штатов и уходим в море. Видимость прекрасная, под крылом — синева безбрежного водного пространства. Ветер попутный, скорость — более тысячи километров в час.

Справа по курсу вижу американский реактивный бомбардировщик с четырьмя двигателями. И тут не обошлось без провожатых! Экипаж тоже заметил нашего спутника, пилот немного увеличивает обороты, и наш «эскорт» скоро начинает заметно отставать, хотя по выхлопам из его четырех турбин можно судить о том, что бомбардировщик шел на предельной мощности.

В 16 часов 15 минут — посадка на знакомом аэродроме Гус-Бей. Обратный путь занял на час меньше, чем при полете в Америку. Средняя скорость составляла на этом отрезке — 1070 километров в час.

До Исландии самолет приказано пилотировать мне. Выруливаю на старт. Получаю разрешение на взлет, окидываю взглядом приборы, увеличиваю обороты, отключаю тормоза. Стремительно несемся по бетонной дорожке. Веру штурвал на себя, и вот мы — в воздухе. Левым разворотом ложусь на курс 90. Этот курс мне особенно знаком: когда я летал в немецкие тылы, на наши партизанские точки, курс 90 всегда означал — задание выполнено, летим домой!

Идем над Атлантикой, закрытая слоисто-кучевыми облаками, на высоте 10 500 метров. Ветер по-прежнему — попутный. В разрывах облаков на мгновение мелькнули знакомые очертания айбергов. Берега Гренландии закрыты.

Погода в Исландии сырая. Произвожу снижение по курсу и захожу на посадку. Мы — на аэродроме Кефлавики.

ЛОНДОН, 8 сентября. Через полчаса часа отдохнувший Орловцев поднимает наш самолет в воздух. Ступают сумерки. В Лондон прилетели уже ночью. Здесь пробыли три часа сорок пять минут, в ожидании улучшения погоды в ожидании затянута туманом. На борту у нас уже 18 пассажиров. Влетаем и берем курс на Москву...

МОСКВА, 8 сентября. Вот и финиш. Посадка — в 9 часов 10 минут. Яркое светит солнце, как бы приветствуя наше возвращение на родную землю. Как приятно возвращаться домой!

В оба конца мы пролетели 18 тысяч километров за 24 часа 36 минут.

Трасса Москва—Нью-Йорк для реактивных пассажирских самолетов открыта! Советская гражданская авиация вписала в свою историю новую яркую страницу...

Уже дома я узнал еще об одном радостном факте, связанном с нашим славным «ТУ-104». По нашей везучести, наши товарищи в Москве установили два мировых рекорда, подняв на «ТУ-104» более 20 тонн груза на высоту 11 200 метров. Вот и еще одна победа!

ВСТРЕЧА с АХМЕТОВЫМ про ИСЦЕЛЕНИЕ ТРУДОМ

...Рауфа Ахметова вызвали в районный отдел милиции и предложили или поступить на работу, или в десятидневный срок покинуть Казань. Его это не удивило — он знал, что такая мера предусмотрена Положением о паспортах. В его относительных ответах работнику милиции свело к себе удивительное безразличие к себе. И все-таки мы разговорились. Вот что я узнал.

Окончив четыре класса, Рауф Ахметов бросил школу. Несколько месяцев работы в одной из казанских артелей составляют весь его трудовой стаж. А дальше — безделье, гуляние и вскоре скань под судимых за карманную кражу. Много раз предупреждал Рауфа, но сменить тунеядство на труд он не пожелал. Так шло время. Ахметов коротал дни, живя на иждивении матери-пенсионерки. И вот ему, как не работающему более трех месяцев, предложено выехать из Казани.

— Куда же вы теперь поедете? — спросил я Ахметова.
— Некуда мне ехать.
— А что будете делать?
— Не знаю.
— Тогда, может быть, съездим вместе на какой-нибудь завод?

— Съездим... На первом же заводе — Казанском механическом — я рассказал об Ахметове. Нашлось свободное место, и Рауфа приняли на работу. Превратится ли для него труд в потребность, покончит ли он с иждивенчеством, почувствует ли, что нужен людям, что может стать настоящим гражданином страны тружеником, — это во многом зависит теперь от самого Рауфа.

Или вот еще встреча. Это были здоровые, вполне трудоспособные мужчины. Правда, у одного — Александра Мухина — не хватает на руке трех пальцев, но он и это «использует»: вот уже несколько лет Мухин ходит по рыночным мясным павильонам и протягивает бесплатную руку. Заканчивая эту «прогулку», Мухин становится продавцом мясных обрезков. Затем — обед в столовой с обильным возлиянием. Так завершается его «рабочий» день.

Остальные двое — Абдулхак Габбасов и Николай Батиев тоже с вызывающей открытостью рекомендуются бродягами.

Как донахлестили они до такого положения? Мухин объясняет все тем, что не поладил с родственниками жены. Габбасов уверяет, что жена изменила ему, из-за этого он бросил семью, собственный дом и отправился по городам и весям.

Но дело, конечно, не в «злодейках»-женах. Главная причина — отвращение к труду. Николай Батиев так изложил мне свои «программные» требования: — Вот вы спрашиваете, почему я не работаю. А вы посмотрите на мой внешний вид. Кто захочет такого принять на работу? Я хочу прилично одеться. У меня есть, наконец, интеллектуальные потребности.

— Какой же вы помощи желаете?
— Ну, выдавали бы хоть пару тысяч рублей в виде ссуды, создали бы базу. Я приноденусь... Батиев одет в помятый темно-серый костюм. Вместо сорочки — подолстаета телляшка.

Вспоминаю, что работник милиции мне рассказывали, как этот человек с «высокими интеллектуальными потребностями» недавно завербовал на работу, получив аванс и на другой же день оказался без гроша.

Улыбка на моем лице озадачила Батиева.
— Вас смущает моя борода? — спросил он, поглядывая бородку с бакенбардами и затейливыми мысочками у губ.

Напоминание о пропавшем авансе Батиеву явно не нравится.
— Мы пока не понимаем друг друга. Отложим разговор, — перебивает он меня.

На XX съезде КПСС товарищ Н. С. Хрущев сказал: «Советское общество заинтересовано в том,

чтобы больше людей работало в сфере материального производства — на заводах и фабриках, на шахтах и стройках, в колхозах, МТС и совхозах, там, где создается народное богатство».

Люди-тунеядцы ухмыляются, когда им напоминают о нашей заповеди: «Что не работает, тот не ест». По их мнению, можно есть, и не работая. Да, челясти у них испытывают полную нагрузку. А жизнь иждивенца рождает психологию холопа. У тунеядца свой закон жизни, как говорил М. Горький: «Очень мало работать, очень мало думать, очень много кушать».

Стоит ли удивляться, что проект закона, направленного против подобной психологии тунеядства и горячо одобряемого трудящимися, встретил в зарубежной реакционной прессе злобное шипение. Дипломатические и недипломатические лакеи богатых тунеядцев откровенно выступают с защитой праздности.

«Было бы очень приятно, — читаем мы в «Нью-Йорк геральд трибун», — если бы все общество состояло из бездельников, бродяг и созерцателей».

Комментарии, как говорится, излишни.

НО ВЕРНЕМСЯ к Рауфу Ахметову. Он устроился на работу благодаря случайной встрече. А если бы этой случайности не было? Или же Ахметов «не понравится» работа и его потянет к «вольной» жизни? Никакой настоящей удачи на него или, говоря языком юристским, действительных мер пресечения пока нет.

Можно понять, что в основе предусмотренного Положением о паспортах решения о высылке тунеядцев из столичного города лежит правильная мысль — в маленьком районном центре или рабочем поселке такому вот неустойчивому человеку труднее задержаться, труднее жить паразитом. Здесь он у всех на виду.

Но это лишь полумера, — говорит майор милиции Е. Степин, которому по роду его службы приходится встречаться с разными попрошайками и бродягами. — Просто высылить, скажем, из Казани профессионального тунеядца, без обязательного приключения его к труду — это все равно, что поймав щуку и выпустить ее обратно в реку.

В нашем законодательстве пока нет закона, который обязывал бы лодыря трудиться. Мы можем в законном порядке изгонять от общества нарушителя наших норм поведения, запрещающего заниматься той или иной антиобщественной деятельностью. У нас есть закон об обязательном всеобщем обучении, есть такая мера социальной защиты, как принудительное медицинское лечение. Другими словами, можно насильно вылечить человека от болезни. Это и есть настоящая гуманность. Но вот «приспособить» тунеядцу такое «сильно действующее лекарство», как труд, заставить злостного бездельника прожить жизнь с пользой для страны и тем самым спасти его от духовной гибели — это не было предусмотрено законом.

Сорок лет назад совершилась великая революция, на знамени которой была начертана главная заповедь социализма: «Что не работает, тот не ест». С первых же дней своего существования Советская власть объявила беспощадную войну тунеядцам, спекулянтам, всем, кто злобно уклонялся от общественно полезного труда. Владимир Ильич называл этих людей врагами социализма, паразитами, вскорлеченными капитализмом.

Да, это было сказано в первые годы жизни нашего государства, когда были толпы саботажников, тунеядцев. Сейчас их стало неизмеримо меньше, но они все же есть. И бороться с ними нужно с ленинской непримиримостью и беспощадностью. Ибо сущность паразитизма всегда одна и та же — она несовместима с устоями социалистического общества.

Б. ГИЗАТУЛЛИН, собственный корреспондент «Литературной газеты» КАЗАНЬ

Живой образ Арсеньева

СЕГОДНЯ, 10 сентября, на календарном листе значится памятная дата: «85 лет со дня рождения В. К. Арсеньева, советского исследователя Дальнего Востока, путешественника и писателя. Умер в 1930 году».

...Пишущую эти строки запомнилась история создания киноленты, запечатлевшей Владимира Клавдиевича. Весной 1928 года прибывшие из Москвы во Владивосток кинорежиссер Александр Литвинов и оператор Павел Мершин познакомились с В. К. Арсеньевым и сообщили ему о своих замыслах — снять фильмы об Уссурийском крае. Арсеньев отнесся к этим планам с некоторым недоверием. Совершая с самого начала века походы по тайге, Арсеньев знал, какие трудности приходится преодолевать в ней путешественнику. Смогут ли их преозмочь люди с кинокамерами!

Настойчивость и упорство кинорепортеров покорили Арсеньева. Он стал им помогать.

По его совету решили снимать две картины: в первой покажут обитателей тайги — удэйцев, вторую же построить в виде дневника киноэкспедиции. Все лето работники Совкино провели в делях Уссурийского края, хорошо знакомых юным и взрослым читателям по книгам В. К. Арсеньева.

В долбленых лодках по бурным таежным рекам, волоком, на лощах и пешком, прорубая себе

путь и фиксируя все это на пленочном листе, значится памятная дата: «85 лет со дня рождения В. К. Арсеньева, советского исследователя Дальнего Востока, путешественника и писателя. Умер в 1930 году».

...Осенью того же года я пришел на закрытый просмотр двух фильмов, состоявшийся во Владивостоке. Они были немые и назывались так: первый — об удэйцах — «Лесные люди», второй — о походе киноэкспедиции — «По делям Уссурийского края». А в конце 1928 года довелось мне увидеть Владимира Клавдиевича в Москве, на фабрике Совкино. Он утверждал, что Литвинов и Мершин надо снова отправить на Дальний Восток.

В. К. Арсеньев предлагал свою помощь в создании большого фильма о Камчатке. Его послушали и снарядили туда экспедицию в том же составе. Но когда в 1930 году кинорепортеры возвратились с Камчатки во Владивосток, В. К. Арсеньев уже не было в живых.

Кадры, запечатлевшие образ ученого и писателя, были смонтированы в фильм «По делям Уссурийского края», вышедший в 1928 году.

Недавно кинорежиссер А. Литвинов совершил поход по старому маршруту, чтобы к 40-годовщине Октября показать, как изменился облик тайги, как отступила прежнее глухонемье перед социалистической индустрией и советской культурой,

Новый цветной фильм, выпущенный Свердловской киностудией, называется «По делям Приморья». В этой ленте, поставленной А. Литвиновым, хорошо снятой оператором К. Дуплетским и П. Шлыковым, с первых же кадров зритель видит и книгу В. К. Арсеньева «В делях Уссурийского края».

Но каждый документальный кадр нового фильма подтверждает, что название этой книги, перевернутой самой жизнью: нет деляй, есть дороги. Место удэйских стойбищ с первообитателями юртами на экране возникает удэйский колхоз с благоустроенными домами. Среди городов, выросших в тайге, возник город Арсеньев, где в этом году слано в эксплуатацию 1 900 кв. метров жилья, где сто новых домов уже поданы под крышу, а рабочие и служащие по почину горьковчан, строят для себя жилища.

Глядя на белокаменный город Арсеньев, вспоминая строки Маяковского:

...чтобы, умирая, воплотиться в пароходы, в сточки и в другие долгие дела.

Макс ПОЛЯНСКИЙ

Исландия, 7 сентября. Встреча самолета «ТУ-104-А» на аэродроме Кефлавики. Фото специальных корреспондентов «Литературной газеты» Героя Советского Союза П. МИХАЙЛОВА и В. ТЕМИНА.

На снимках: сверху — кадр из фильма «По делям Уссурийского края», 1928 г. Владивосток. В. К. Арсеньев (в центре) на совещании с кинорепортерами. Слева (стоит) — А. А. Литвинов. Крайний справа — П. М. Мершин. Внизу — на пути к городу Арсеньев, основанному 5 лет назад. Фото В. Башных

НЕГРИТЯНКА В АЛБАНСКОМ ХОРЕ

В АЛБАНИИ

Горы выстроились гордо
В твердокаменности всей,
В убежденности своей,

Ой, Албания!
И не скрою:
Мне не люб ли
Твой блеск морской?

Жаркой лавне в зал из хора
Песнь о Ленине полилась,
Полилась ее величавость,

А примадонна,
Завушавшая предо мной
Ярче клавишей аккордеона

В начале июня в Москва, по приглашению...

ЖУРНАЛЫ В СЕНТЯБРЕ

«ДРУЖБА НАРОДОВ» Журнал печатает и изложение выступлений Н. С. Хрущева...

БЕЗ УВАЖЕНИЯ К ЧИТАТЕЛЮ

Одна из статей в «Литературной газете» заканчивалась словами: «Но надо, чтобы и читатели не молчали»...

Люди здесь «все какие-то ухаживенные, округлые и довольные собой»...

Жаркой лавне в зал из хора Песнь о Ленине полилась...

БЛАГОДАРНОСТЬ

Ну чем я отблагодарю Тебя, мой мечту свершенную, Моей всей жизни украшение...

О самом заветном

ГЕОРГИЙ НЕКРАСОВ не новичок в ленинградской поэтической среде...

резким человеческим неравенством. Об упорной борьбе не абстрактных героев...

Все взрослые люди, среди которых живет в повести старей революционер Иван Андрианович...

Моральный облик молодых строителей, как их рисует Л. Карелин, достаточно характеризуют...

В повести немало мест, выделяющихся перед смертью домика. Вот оно: «Что-то таинственное и страшное совершалось сейчас...

Памяти И. Микитенко

Общественность Украины отмечает 60-летие со дня рождения выдающегося украинского советского писателя...

Это, пожалуй, главный, наиболее оупитный мотив книги. Характерно в этом отношении стихотворение «Окно».

Прямое упоминание на эти недостатки уместно хотя бы потому, что лучшие стихи Г. Некрасова свидетельствуют о молодости чувств и устремлений поэта...

СЕМНАДЦАТЬ МОЛОДЫХ

Союз писателей Туркмении устроил семинар для начинающих литераторов республиканского уровня...

Серьезное внимание привлечено и в целом положительное отношение к выводу творчества...

От редакции. Редакция «Литературной газеты» разделяет оценку повести Л. Карелина «Общественные высказывания»...

ФИЛЬМЫ О ФЕСТИВАЛЕ

СОТНИ ТЫСЯЧ метров пленки — цветной и черно-белой — засняли советские и зарубежные кинооператоры в дни Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Москве...

«Мосфильм» и Студии имени М. Горького ведут съемки четырех цветных художественных фильмов...

С темой фестиваля тесно связана и музыкальная комедия «Девушка с гитарой» (авторы сценария В. Попова и Л. Баскин, режиссер А. Файнциммер)...

БОЛЬШАЯ ТЕМА ДРАМАТУРГИИ

конфликты, спешит стихами сказать за своих героев. И это приводит к тому, что забываешь о тех, с кем познакомил нас драматург.

на большую поэтическую любовь. Автор знакомит нас с прелестным образом старинка-мельника Амбано, который сохраняет чувство высокой любви и своей умершей жене...

Возвело по-прежнему не везет в нашей драматургии. Тревожит не только воеводы Коростылева. Мне пришлось прочитать воеводу З. Залесского и Л. Незорову «Голубая козынька»...

папаша сообщает, что он на старости лет решил жениться. Но кто же его избранныя? Кто придет мачехой в дом, где трое уже довольно подросших ребят?

В бессмысленных поисках мачехи, в глупейших подозрениях и обманах дети Шингарева выжидают, на ком же женится их уважаемый папаша...

Бескрылая, мелкая по содержанию драматургия «голубых козыньков» по направлению своему антинародна и беспартийна. Она, подобно пустыцвету и бурьяну, засоряет почву искусства обывательскими сорняками...

50-летие С. КИРЬЯНОВА

В связи с пятидесятилетием со дня рождения С. Кирьянова и учитывая его заслуги в деле развития бакинской советской литературы, Президиум Верховного Совета Башкирской АССР награждает писателя Кирьянова Сергея Леонидовича Почетной грамотой Президиума Верховного Совета Башкирской АССР.

ТУМАН НА ГУДЗОНЕ

Н. ГРИБАЧЕВ

ДВЕНАДЦАТУЮ сессию ООН начатая с головы хвостом одиннадцатой — она открывалась под названием «специальной» на десять дней раньше обычного срока для обсуждения «венгерского вопроса». На сканьмо посудимых у берегов Гудзона будет посажена венгерская свобода. В качестве главного прокурора, с тенью кардинала Миндсента за спиной, — сам кардинал еще отсиживает в американском покое в Булапеште, — выступает председатель «комитета пяти», олимпиадец латского скакотника Ганса Христиана Андерсена. Понятно, не в силах сына в отца и тем более однофамильца — в однофамильце, но известно, что все квислинговцы удалось в Квислинге, а Ассинг Андерсен — из квислинговской породы. Понятно, в каком морально-этическом и политическом ключе исполняет он свой доклад.

Боченной целью этих сложных маневров служит попытка доказать, что венгерское правительство — не венгерское правительство, что венгерский народ истосковался по хортистскому наморднику, что советские войска не имели права оказывать по Варшавскому договору братскую помощь венграм против контрреволюции, а живущая на долларовую пенсия радиостанция «Свободная Европа» имела право призывать к убийствам и погромам и что, наконец, все социалистические страны бьются, а все проамериканские и американские ларни молодцы. Такова истинная сущность поветования «венгерского вопроса», если излагать ее откровенно, а не называть стеклянные бусы дипломатического красноречия, блеском которых главным образом и пытаются предстать общественное мнение докладчики из «комитета пяти».

Чтобы понять значение такой политической акции, нужно уяснить некоторые вопросы для себя. Первый из них — кому это выгодно, на чью мельницу льют воду, из чьей стены вытаскивают и в чью стеньгу кладут кирпич? Против постановки «венгерского вопроса» протестуют законное венгерское правительство, против постановки его протестуют рабочие Чепеля, крестьяне, интеллигенция. Доклад «комитета пяти» вест килограмм, протесты венгерского народа, если их собрать все, будут весить тонны, и никаким политическим иллюзионистам из «комитета пяти» и все с ними не добиться того, чтобы их тощая по объему и особенно по существу продукция перетянула на весах мирового общественного мнения.

Доклад «комитета пяти» базируется на показанных сотни свидетелей. Кто такие эти свидетели? Конгломерат из бывших членов хортистского правительства, из отступников и преступников, запятнавших кровью улицы Булапешта, из растерявшихся, перелугавших людей, которые, очутившись в соответственной среде, вынуждены быть по-волчьим, чтобы хоть как-нибудь прожить и не оказаться в лапках. Административным и экономическим прессом, которым располагают по отношению к свидетелям организаторы дела, можно из камня дотать выжать! А сами «комитетчики» рассматривали Венгрию через американскую оптику с берегов Гудзона или, в лучшем случае, из Монтевеа, из радиостанции радиостанция «Свободная Европа», которая и сама вещает на Булапешт, а глядит в рот Вашингтону.

И если при таких, прямо скажем, мало выгодных для организаторов условиях «венгерский вопрос» все же волюнку на трибуну ООН, то, значит, это уж очень кому-то выгодно и нужно.

Кому и почему?

Это становится ясным, если вспомнить некоторые международные события последних лет.

Год назад правительства политически покойного Цезаря и политически покойного Ги Молле расстреляли Порт-Сауд, узарили в барабаны карательных экспедиций только потому, что египтяне сами захотели управлять египетским каналом на египетской земле. Буря общественного негодования и решительное выступление Советского Союза в защиту египетской свободы осадил непростых англо-французских гостей, египтяне энергично проводили их с лестницы, а на физиономии современного империализма прибавилось еще одно сине-бартовое пятно. Моральный капитал западных буржуазных правительств всегда был ниже их золотого запаса, а в последние годы и совсем опасно подтаял, что приводит к инфляции, к грозному обесцениванию такой пропагандистской валюты, как «свободное произведение», «свободный мир», «американский образ жизни» и т. п. Постановкой на обсуждение «венгерского вопроса» страны американского блока пытаются укрепить свои пропагандистские позиции. В мутной водичке «доклада пяти» они надеются хоть частично отмыть пятна на своей политической биографии, трескотеющей с трибуны ООН хотят заглушить грохот бомб в стоны умирающих в Аджере, Омани, Йемене, шаманскую свистоложку вокруг Сирии, рев моторов и зов пушечных сребреников, с помощью которых пытаются вползти на Средний Восток «доктрина Даллеса» — Эйзенхауэра».

Шекспировский Яго и мольеровский Тартюф воскредают на сцене международной политики из «доклада пяти»!

Таким образом, если выслушать из пр богу весть какого красноречия западных пропагандистов реальнее, кровью написанные в статью воп-

ты на страницы истории факты, то первый вопрос — кому это выгодно — становится совершенно ясным.

Второй вопрос, который возникает при ознакомлении с докладом, быть может, менее значительный, но при всем том и небезынтересен: почему ставится «венгерский вопрос» гол спустя после событий, с какой стати политика американского блока собралась спустя лето по малину? На это, нам думается, существуют свои основания. Прежде чем поднять голову в таком вопросе и закукаркать о любви к ближнему, надо было вытаскивать хвост из египетской авантюры и ее морально-политические последствия для всего американского блока. Это была ставка на несовершенство, на слабость человеческой памяти. Кроме того, организаторам этого дела хотелось при помощи кнута и пряника, мытьем и катаньем добиться от возможно большего числа стран согласия на поддержку американской точки зрения в «венгерском вопросе». Но от ошибок в расчетах подобного рода не может спасти даже электронная техника: все социалистические страны поддерживают правительство Яноша Багара и одобряют помощь советских войск, а Индия, Цейлон, Бирма, Египет и многие другие страны или осудили постановку «венгерского вопроса» в ООН, или отказались применить к политике американского блока в этом вопросе. Таким образом, против «доклада пяти», его режиссуры и его исполнения в ООН высказалась большая половина человечества — факт, на который западные «борцы за свободу и демократию» хотели бы смотреть через темные, защитные очки в перевернутый бинокль!

Наконец, медлительность объясняется еще и трудностями с подбором представительных кадров для «комитета пяти», — очень уж хотелось американскому блоку подобрать, уговорить на эту роль политически весомых людей, чья деятельность не была бы скомпрометирована хоть открытым сожительством с колониализмом и реакцией и чьи имена достойны были бы безусловного уважения. Хотелось, но до конца не удалось: председателем комитета, как уже указывалось выше, квислинговец, способствовавший оккупации Дании гитлеровцами, а член комитета Гуанавердене практически дезавуирован в этом вопросе правительством Цейлона, которое он представляет. Истощив кадровые резервы и ресурсы, пришлось махнуть рукой и довольствоваться тем, что есть. Что поделать? Не уловив кролика, не притворившись и кроличьего рагу...

А время шло и шло, и дошло до того, что от политических последствий венгерского контрреволюционного мятежа остаются лишь рожи да ножки: серьезные в литературном отношении и фантастические по содержанию мемуары бежавших из страны хортистов и возвратившихся в лоно западной демократии диверсантов и провокаторов — показной и среднеоплаченный в доллары пляч на могиле усопших надежд. Лишь когда стало ясно, что это малоовато и плоховато, а больше ничего не будет, американский блок потащил «венгерский вопрос» на гальванизацию в ООН.

И, наконец, третий вопрос, который неизбежно возникает при знакомстве с «докладом пяти»: какие идеалы защищает доклад и какими моральными догмами оправдывает средневековые изуверства, фашистские методы расправы над коммунистами, над рабочими, крестьянами? Вель синими, не оставляющие в этом сомнении и сделанные американскими корреспондентами, обогнали всю мировую прессу, а никто из членов комитета на утрату физического зрения не жаловался.

«Первый протест венгерских писателей касался советской доктрины партийности литературы», — указывается в докладе в качестве одной из ключевых посылок для оправдания мятежа. Будет прямо таки удивительным, если трибуна ООН не покраснеет от такой логики, поскольку сами авторы такую способность, судя по всему, давно утратили. И с каких это пор ООН обязана выступать в не притупленной ей роли арбитра в литературных спорах, утверждать стрельбу из пушек и пулеметов в качестве формы литературных дискуссий? Как говорить, смешно, но факт — свифтовский сюжет, цель для стрел Рабле. И опять-таки — что делать? Реального материала у авторов доклада мало, приходится не брезговать ничем — то соломку ташат в ножках, то пушок в носу несут.

Отличительной особенностью этого доклада, который ни чести, ни славы в просвещенном человечестве не стяжает, является то, что вся его темная логика шита абсолютно белыми нитками. Политический бумажник, который неумело и с натугой запускают авторы, всякий раз возвращается на выи их. В докладе, например, упоминается, что ныне засевающий в эмиграции писатель «Тамаш Ацел описал величайший дух неведения к режиму, который он обнаружил среди крестьян». Это считается составителями серьезным доводом, который необходимо довести до высшего сведения ООН. Но, во-первых, писатель Тамаш Ацел в свое время получил Сталинскую премию за произведения, в которых раскрывал обнаруженный им «величайший дух доверия к режиму», и, следовательно, с уче-

том новых высказываний выглядит законченным перевертнем из мира вездь и прочей вечности, которая днем ходит на двух ногах, а ночью летит на поганных метлах; во-вторых, сами авторы в параграфе доклада, который идет ниже, пишут: «Имеется еще меньше документальных данных об отношении венгерских крестьян к востанию по сравнению с другими классами населения».

Вряд ли нужны более исчерпывающие, чем это, сделанные сквозь зубы, признание того, что составляющее огромную массу населения крестьянство не поддержало вовсе мятежников и что уже по одной этой причине мятеж никак нельзя подвести под категорию «народного», к чему так стремятся авторы доклада!

Ну, а что получается в смысле логики? Да ничего — в огороде лебеда, а в Кисево дыбка: в «комитет пяти» — квислинговец Андерсен, а в ООН — шум вокруг вынезогого яйца. Факты в заранее заданную систему умозаключений не монтируются, поскольку случайно подобраны на эмпирических заборках.

Не знаем, сумеют ли представители американского блока как следует проанализировать «доклад пяти», но, если они это сделают, волосы у них поднимутся дыбом, а господину Андерсену придется попробовать свои силы в другом месте. Почему? Да потому, что документы, воззвания, прокламации и декларации, приведенные в докладе, неопровержимо свидетельствуют, что интеллигенция, молодежь, студенты, венгерский народ в октябрьских событиях прошлого года подчеркивали, что они стоят за социалистический путь развития Венгрии и дружбу с Советским Союзом, а на контрреволюционный мятеж их провоцировали и толкали политические авантюристы и проходимцы, обещая американскую помощь. Правительство Яноша Багара и его программа соответствуют чаяниям венгерского народа, а такие главные свидетели в «комитет пяти», как хортистская экс-депутатка и однодневная министрша в кабинете Имре Нала Анна Кетля и хортистский экстер-генерал Бела Кирай, отщепенцами были, отщепенцами и остались.

Запутываться, так запутываться, все равно концы с концами не сойдутся, — решили, очевидно, составители доклада и сделали сногосшибательный вывод: «Совершенно ясно, что одной из целей венгерского востания являлась стабилизация дружеских отношений с СССР». Честное слово, это не шутка — так и написано! Ищорачные американские поставки оружия под юлом медикаментов, расстрел советской эмблемы на памятнике, антисоветский виг «Свободной Европы», финансируемый в долларах, разгром магазинов с советскими книгами, расстрел коммунистов у горького партии, отеческая забота о проамериканском кардинале Миндсента — все это, оказывается, лишь проявление нежной заботы американского блока о дружбе социалистической Венгрии с социалистическим Советским Союзом!

Но разве и впрямь уже козыли стегут капуту, коршуны охраняют гнезда переломки, а волки шьют попоны лягушкам из собственной шкуры, чтобы им было теплее? Разве руководители американской политики уже взяли назад свои заявления о намерении вернуть страны народной демократии в лоно капитализма — заявления, сделанные с унизительным, колониалистским пренебрежением к воле народов этих стран? За кусками венгерского мятежа стояла та самая сорокалетняя, принявшая ныне обличье американского блока политика, которая организовывала заговоры в революционном Петрограде, вооружала Деникина и Колчака, высаживала десанты интервентов во Владивостоке и Мурманске, предлагала вместо урегулирования в Индо-Китае создать «воздушный мост» для бомбежек, залила кровью первый проблеск свободы в Гватемале, носит за паузой камень чайкайшиского Тайваня против свободного Китая и, не жалея живота своего, ложится на пороге ООН, чтобы не пустить туда новый Китай; та самая политика, которая совала разведшары в наше воздушное пространство, патками засыпала в нам шпилью, ассигнует сто двадцать пять миллионов долларов на подрывную работу в социалистических странах... Кстати, в «докладе пяти» по «венгерскому вопросу» неоднократно в разных формах декларируется «стихийный характер востания, его спорадичность и отсутствие руководства им». А!-а! Неужели американцы, такой деловой народ, расхотят столь крупный капитал без плана и руководства? И кто бы мог подумать!...

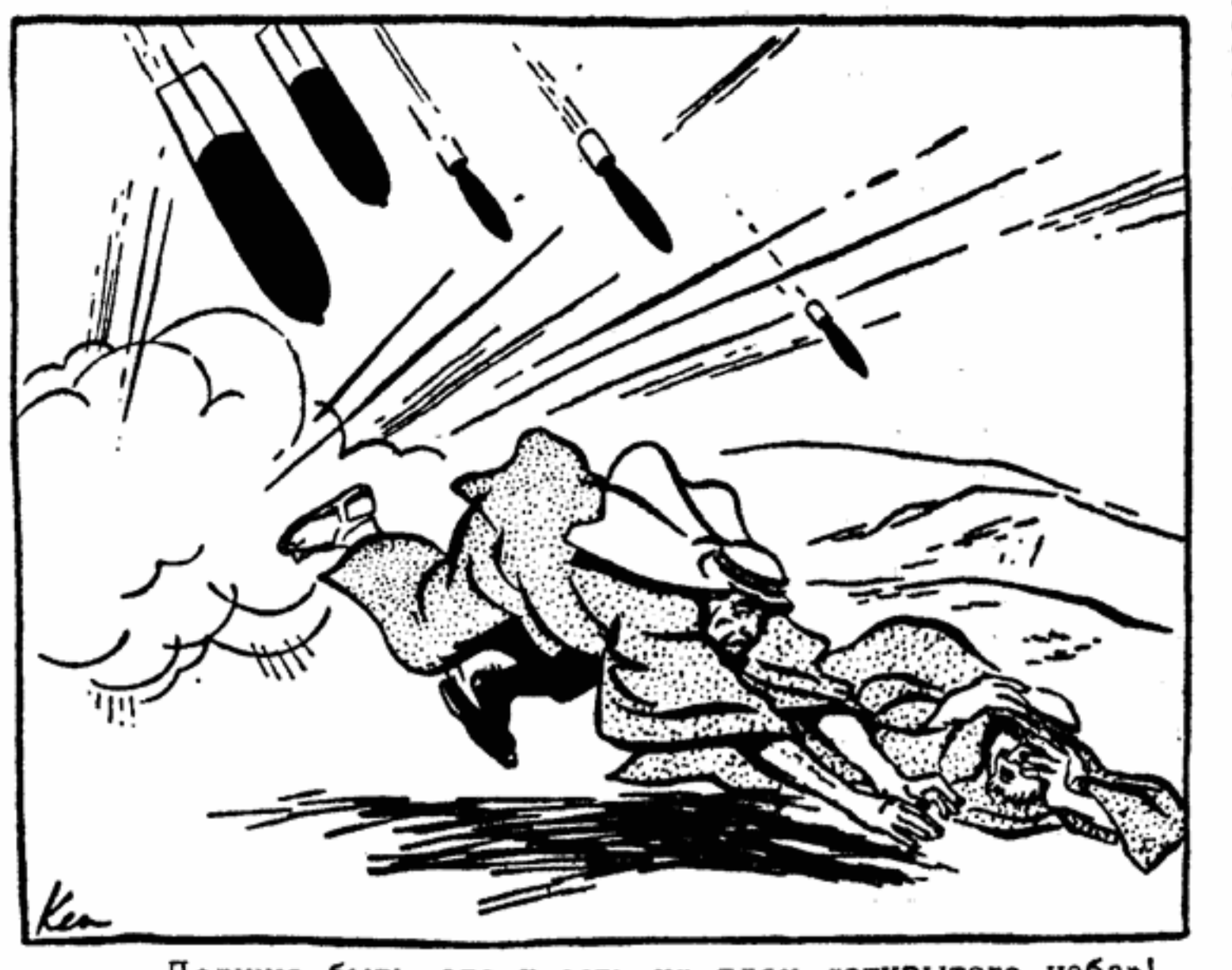
Что сказать по этому поводу? Не брешите, господа! Не зализывать шершавым и длинным языком «доклада пяти» следы, которые вы оставили в истории, отпочатки пальцы, которые кровью пламенеют на ее страницах. И не обобщайтесь талантами к маскировке и мимикрии, превеличайшими способностями перекрещивать порося в караса, умением наводить тень на плетень — будущее все оставит на свое место, оно хороший криминалист.

Поживете — увидите. Сегодня над Гудзоном опускается туман «венгерского вопроса», но когда он рассеется, — а он непременно рассеется, — то, быть может, позвара на кухне этого микроклимата еще покажут о своей затее...

Палачи Омана

Английские колонизаторы превратили в систему кровавые злодеяния против арабов Египта, Йемена, Омана — вот арабские страны, где менее чем за год они безжалостно истребили тысячи мирных жителей. Ныне весь мир протестует против чудовищной расправы над мужественным народом Омана, который поднялся на борьбу за независимость и свободу. Тем не менее английские самолеты снова и снова подвергают бомбардировке населенные пункты страны.

Воспроизводимый нами сегодня из лондонской газеты «Дейли уоркер» рисунок художника Нена напоминает о «методах», которыми действуют колонизаторы, о все еще продолжающейся английской агрессии против Омана.

— Должно быть, это и есть их план «открытого неба»!

Антология болгарской поэзии

ПОЭЗИЯ — голос народа. В ней отражаются его многовековая судьба, его стремления и победы. Книгу, которая вобрала бы в себя поэтическое богатство какой-либо страны, можно назвать лирической энциклопедией жизни народа. Такой книгой и является обширная «Антология болгарской поэзии», выпущенная Гослитиздатом.

Ее страницы очень емки. Здесь нашли свое место и песни, живущие в народе многие столетия, и стихотворения, написанные нашими современниками — молодыми поэтами. Богато представлено наследие болгарских поэтов, творивших в прошлом веке.

«Юнаки» — этим разделом открывается сборник. Читатель получает яркое представление об одной из живых традиций болгарской поэзии — ее эпико-героическом характере. Сказания о юнаках-молодцах, которые «храбро бились» за родную землю, — не в них ли черпал болгарский народ силу в борьбе с порабощателями? Очень интересны песни, собранные под рубрикой «В борьбе за свободу». Здесь и старинные «Люблю я повстанца...», «Ой, Дунай ты, Дунай белый...», и короткие песни о событиях последних лет — «Девушка-партизанка», «Пой на свободе!». В этих народных произведениях ясно осязаемы мотивы братской дружбы между болгарским и русским народами.

В песне «Русские для нас — что братья...» поется: Русские для нас — что братья, Наша плоть и наша кровь, Русскому народу в мире Первому почет, любовь!

Он наш друг и покровитель, Враг любой не страшен с ним, Это наш освободитель, — Как отца, его мы чтим.

«Антология болгарской поэзии» полно представляет читателю творчество многих выдающихся поэтов Болгарии прошлого. Составители сборника умело отобрали из стихотворного наследия наиболее ценное, так что страницы книги дают возможность проследить за развитием болгарской поэзии и вместе с тем не сглаживают поэтических индивидуальностей.

Вольнолюбивый характер всей болгарской поэзии ярко выражен в произведениях первого из поэтов, представленных в антологии, — Добри Чинтулова. Стоит обратиться лишь к названию его стихов — «Восстань, восстань, юнак балканский!», «Долго ли, юнаки...», «Патриот». Эта тема борьбы за освобождение родины раскрывается все полнее и шире — от поэта к поэту, — достигая своего апофеоза в творчестве Ботева и Ивана Вазова, страстно призывавшего в своих стихах:

Не пожалеем ни крови, ни жизни, Братья! Умрем, но поможем отчизне. Мужеством, доблестью силы умножим, Злого врага в нашу землю уложим.

Вамала Болгария огненной лавой. Может быть, в битве падем мы со словами,

«Антология болгарской поэзии». Составители В. Злыднев, Д. Марков и А. Соболев. Гослитиздат, М., 1956.

Болгарский народ отмечает знаменательную дату своей истории — День освобождения. За послевоенные годы значительно расширились дружеские связи между советским и болгарским народами во всех областях общественной жизни и культуры. Недавно на русском языке вышла «Антология болгарской поэзии», знающая советских читателей творчеством многих болгарских поэтов прошлого и наших дней. Сегодня мы рассказываем об этом сборнике.

Счета не будет народным героем. Волю добудем решительным боем.

Пусть мы умрем в этой схватке суровой. Ради Болгарии вольной и новой. Смело, товарищи, в мощный таран! Смерть угнетателям, гибель тиранам!

Стихи поэтов звали к бою, и народ победил в сражении за свою свободу. Стоит вспомнить — сколько выдающихся своих певцов потерял народ в долгих и трудных сражениях! Вот некоторые из них: в бою с порабощателями наступила пуля двадцатисемилетнего Христо Ботева; жертвами фашистского террора Болгарии двадцать годов пали Гол Милев и Сергей Румянцев; в 1942 году расстрелян по приговору фашистского суда Никола Вапцаров...

Творчество этих поэтов внесло толк славы самопожертвования и неупиримости по отношению к врагам и какой-то задушевной мягкости при обращении к родине, который так характерен для болгарской поэзии.

В антологии представлены так-

же и лирические произведения, например стихи одного из старейших болгарских поэтов — Елисаветы Багряны. Очень разнообразен и интересен раздел, содержащий произведения современных авторов. Здесь сильны мотивы жизнеутверждения, гордости за освобожденную Болгарию, за ее успехи и победы.

Дни мирные ясны, в над тобой Балканы грудь гранитную подняли.

Мы празднуем наш долгоданный мир, Нам край родной цветущим любю видеть; Земля сияет, потому что мы Умели и любить и ненавидеть!

— пишет в своем стихотворении «Родина» Иван Пейчев. Эту тему раскрывают в своих стихах и другие авторы. Многими интересными произведениями представлены в книге Х. Радевский, Л. Стоянов, Н. Фурнаджиев, Ламар, К. Зидаров, М. Грубешлиева, М. Исаев, В. Андреев, Б. Божиков и другие современные поэты Болгарии.

...Последние страницы антологии. Произведения совсем молодых поэтов. И в их творчестве богаты мотивы, развивающие давнюю традицию, мотивы болгарско-советского братства.

И в садах поэзии большая Дружба многолетняя растет, — говорится в стихах Павла Матеева.

Голос дружбы слышится со страниц всего сборника. Гослитиздат сделал большое и важное дело, выпустив (к тому же отлично оформленную) «Антологию болгарской поэзии». Его, несомненно, заинтересуют многие советские читатели.

Н. БЕЛОВИЧ

АТОМНОЕ ЧТИВО.

ОДНОВРЕМЕННО два издательства — «Уильям Морроу энд компани» в Соединенных Штатах Америки и «Маклеод» в Канаде — выпустили в июле новый роман английского писателя Невилла Шута «На пляже». Сейчас этот роман многие американские буржуазные газеты печатают из номера в номер с продолжением.

Газеты ухватились за сочинение Шута не случайно. Судя по рецензиям, уже появившимся в американской печати, в частности в журнале «Сатердей ревью», роман — находка для американских пропагандистов. Это — ловко скроенное атомное чтиво, в котором, между прочим, читателю преподносятся утверждения в духе лживой империалистической пропаганды.

Невилл Шут — опытный автор. За последние 25 лет он написал восемнадцать книг. «На пляже» — предпоследняя в сенсационной форме фантастический рассказ о том, что случилось на земном шаре в 1963 году, когда он был опустошен атомной войной. Действие происходит в Австралии, где कुछ последних оставшихся в живых людей ожидает смерти от лучевой болезни.

Не только искусство нарисованные, шекоющие нервы страшные

картины последствий атомной войны привлекли к роману Шута внимание американских газет, которые не упускают случая лишний раз подогреть атомный психоз, запугать читателей, навести их на мысль, что выход — только в безудержной войне вооружений. Главное — в изобретенной автором политической версии возникновения войны, в некоторых деталях, весьма устраивающих пропагандистов «с позиции силы».

По воле Шута, мировой военной конфликт, который покоится с человечеством, продолжался тридцать семь дней и был «русско-китайской войной», вспыхнувшей в результате войны между Россией и НАТО, которая, в свою очередь, была вызвана вражеско-арабской войной, начатой Албанией.

Как видите, перед нами, так сказать, «малый жентльменский набор» ходячих мотивов, исполняемых западной прессой, — от легкого перекошевал в «художественное произведение». Тут и гнусное измышление, будто страна социалистического лагеря может развязать мировую войну, и соответствующее отношение к положению дел на Ближнем Востоке, по существу оправдывающее нынешние неумные «заботы» колониалистских кругов США об одном районе земного шара, и затеянная надежда на немислосное столкновение между Советским Союзом и народным Китаем.

Примерно в середине книги некоторые из оставшихся в живых персонажей обсуждают вопрос о том, как развернулась мировая война. Оказывается, что все началось с «ошибки». Египтяне на «русских бомбардировщиках» (ну, конечно!) сбросили первые атомные бомбы на Вашингтон, который не стал выяснять, кто несет ответственность за нападение. Американцы выяснили, что это были египтяне, плещ как подержали бомбардировщики рода Советского Союза... Таким образом автор, теряя чувство реального, а вместе с ним и чувство юмора, изображает Соединенные Штаты как жертву нападения со стороны... египтян.

Возможно, в благое намерения автора входило предупредить людей, сколь ужасна атомная война. Но те фальшивые элементы антисоветской заостренности, которые Шут внес в свой «атомный роман», свели к нулю эти благое намерения, даже если они и были.

Д. УМАНСКИЙ

Главный редактор В. КОЧЕТОВ. Редакционная коллегия: М. АЛЕКСЕЕВ, Б. ГАЛИН, Г. ГУЛИА, В. ДРУЗИН (зам. главного редактора), П. КАРЕЛИН, В. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), Б. ЛЕОНТЬЕВ, Г. МАРКОВ, В. ОВЕЧКИН, Е. РЯБИКОВ, В. ФРОЛОВ.

ПРИБЛИЖАЕТСЯ день выборов в третий западно-германский бундестаг.

Предвыборная кампания достигла большой остроты. Если верить датской газете «Информашон», в Европе после войны эти выборы самые интригующие.

Газеты гадают относительно возможного состава будущей правительственной коалиции. Ввешивая возможности политических противников, некоторые органы печати взвешивают при этом и финансы, какими подкреплены эти возможности. Выходящая в Кобленце газета «Ньюс пресс» вдобавку задает вопросы: «Денежные мешки проникают за кулисы» избирательной кампании. Что ж, последуем за кулисы и мы...

Еще в 1956 году в печать стали просачиваться сведения о предостережении финансовыми концернами и банками предвыборной кампании. В октябре прошлой Рурбергабунд принял решение внести по 5 пфенигов с тонны угля в так называемый «фонд солидарности», подобно тому как промышленники когда то вносили отчисления с каждой тонны угля в избирательный фонд Гитлера.

Для расклейки предвыборных плакатов партия Аденауэра арендовала на 6 предвыборных не-

ДЕПУТАТЫ ДЕНЕЖНОГО МЕШКА

дель за несколько миллионов марок все уличные тумбы в ФРГ. У Аденауэра состоялось, как сообщала журнал «Шпигель», конфиденциальное совещание с промышленниками по вопросу финансирования предвыборной кампании ХДС. Достигнутую тогда сделку социал-демократическая газета «Форвертс» назвала «крупнейшим политическим беспутством», имеющего, добавим, богатое прошлое в истории германского парламентаризма.

В финансировании избирательной кампании буржуазных партий включились все союзы и организации предпринимателей. Средства стекались, в частности, в так называемое «Государственно-гражданское объединение», возглавляемое одним из руководителей «Союза немецкой промышленности» — Густавом Штейнмом. Большим влиянием пользуются здесь всеянский подручник Аденауэра банкир Фердинанд Меннес, председатель «Союза немецкой промышленности» Берг и другие финансовые воротилы. Все это, по данным социал-демократических кругов, в кассу ХДС поступило от предпринимателей и других «благотворителей» свыше ста миллионов марок. Правда, ХДС весьма болезненно реагирует на подобные сообщения,

пытаясь капитал приобщить и невинность соблабности. Руководство партии Аденауэра пыталось провести финансирование своей избирательной кампании возможно более незаметно. Например, крупные промышленники передавали свои взносы частично под видом «подписной платы» за еженедельник «Дас виртшафтсбильд», являющийся, однако, не чем иным, как замаскированным филиалом кассы ХДС.

Подобная щедрость денежных мешков становится понятной, если учесть, что с 1948 года политика Аденауэра принесла им свыше 100 миллиардов барышей и что в их карманах потекли новые огромные средства, ассигнуемые на военные расходы. Только в 1958 году они составят 13—14 миллиардов марок. «Добровольные пожертвования» имеют прямое целевое назначение провести в бундестаг нужного кандидата. Об этом уже первый месяц поется различные предпринимательские союзы и общества, притом настолько откровенно, что по словам западногерманской газеты «Курир», «политика в Федеративной республике угрожающе превращается в торжище союзов предпринимателей». Так, например, «Главное объединение розничной тор-

говли» разослало специальный циркуляр, в котором предлагает собрать средства, с помощью которых ХДС обеспечил бы трем депутатам — представителям объединения — места в бундестаге.

При этом установлен тариф за депутатское место. По словам президента «Центрального союза производителей механического производства» Фридриха Кеммена, за включение в список кандидатов на «выигрышное» место ХДС потребовал 50 тысяч марок. Недаром одна из наиболее влиятельных буржуазных газет ФРГ «Ди вельт», непохоже знающая хорошую кухню, да и сама изготовляющая ее меню, называет деньги «частью, которую выигрывают многие знаменитые ее статей...».

Злой иронией звучит напоминание газеты о том, что, согласно конституции, «депутаты являются представителями всего народа, не связанными чьим-либо поручением и указанием и подчиняющимися только своей совести». Выборы и деньги — это лейтмотив предвыборной кампании ФРГ.

Не менее примечательны мероприятия ХДС по улавливанию голосов наиболее реакционных слоев избирателей.